

ЕМУ 22. Мне он казался вначале значительно моложе. Живое, переменчивое лицо, распахнуто-озорные глаза, широкий жест руки, постоянно вспыхивающая улыбка — так и видишь его выкидывающим какие-нибудь колесца, задирающим девочек, дразнящим учителей своими джинсами и длинными волосами...

— Когда вы узнали — вам доверена роль Павки Корчагина, что вы почувствовали в первую минуту?

— Страх. Элементарный страх. Был просто раздавлен. Ну, понимаете, сижу в кресле, а меня нет. (Показывает, как это сидеть таким образом в кресле: вжимается в спинку, опускает узкие худые плечи, лицо испуганно-глуповатое).

— Я ведь уже снимался в роли Цветаева. Антипод Павки — и вдруг сам Павка! Ничего себе перепад, а? С ума сойти можно.

— Каким было ваше представление о Корчагине в то время?

— Никакого представления. Зачем врать? Ну, проходили в школе, ну, читал... Но так, чтоб почувствовать его живым, необходимым... Нет.

— А кто был ваш любимый герой?

— Знаете, я тогда, в школе, ни на кого не молился. (После секунд раздумья). Ну, если только на маму.

— А как вы учились в школе?

— Театральное училище закончил с отличием, а вот

ну как в нем, таком, кто-то мог увидеть Павку?

— ВЫ прожили год с Корчагиным. Что это за год для вас?

Он садится, приглаживает волосы, внутренне весь как-то подтягивается.

— Вот это самый главный вопрос.

Молчит. Глаза темнеют, лицо строгое, и, худой, бледный, высокий, он кажется теперь значительно старше своих 22.

— Что дал мне этот год? Я обрел какое-то... Понимаете, произошел процесс самоосознания. Человек, которого мне выпало счастье сыграть, меня внутренне перестроил. Вернее, где-то там глубоко это было... Да, было какое-то зернышко. И вдруг пролился дождь, и зерно проросло. Конечно, я еще многое должен додумать, мне еще предстоит разбираться и разбираться в Павке... Но от многого наносного я, мне кажется, освободился.

— От чего именно?

— От сбивчивости, нечеткости взглядов. Инфантильности определенной, если уж зашел откровенный разговор. Сейчас многое во мне, вчерашнем, кажется просто архаикой, атавизмом. Конечно, может, со стороны это и незаметно. Но я сужу по внутреннему барометру, он склоняется к «ясному».

— А что, Володя, помогло вам почувствовать Павку живым? Я вот думаю сейчас о том, что не только для одного

что я, Володя Конкин, комсомолец 73-го года, им скажу? И я начал: «Самое дорогое...»

Он встает и, поблуднев, глядя куда-то поверх меня, читает весь монолог...

— Тогда говорил — только иголки по всему телу помню... Вот после этого Павка стал моим. Как я его сыграл — это уже другое. Но он стал моим. Понимаете?

— Понимаю...

— В комсомол вступал в школу, очень перед этим волновался, завидовал тем, кто уже получил билет, а вот в райкоме волнение ушло: как-то буднично все вышло, наспех. Секретарь райкома пожал руку, посмотрел так отечески, ну прямо Кутузов в войне 12-го года, — и все. Потом выполнял комсомольские поручения... А тут, в Шепетовке, всем существом своим ощутил, что я член того же союза, что и Павка. Понимаете? Не по взносам, не по учетной карточке, а... как бы это объяснить... — по ордену, что на билете.

Павка... Вот говорим о возвращении к нему. Почему? Леня. Душевная лень, какой-то бытовой, я бы сказал, консерватизм, мешающий иногда понять этого человека, проникнуть в него.

Надо было вспахать характер заново, снять пелену поверхностного представления. Чуть каждый прикоснулся к Павке вот так и почувствовал: нет, не холод бронзы. Тепло человека.

— А какие кадры фильма,

есть Корчагин — сегодня может быть еще нужнее, чем тогда! Конечно, перед государством не стоит задача — выстоять. Но разве нет задач? Трудности просто перешли в иное качество. И от того, насколько мы к ним подготовлены, зависит наша общая судьба, наше будущее. «Дайте нам то время, и мы покажем себя» — это, извините, всепрощенчество по отношению к самому себе. Широко. Это позиция в какой-то степени даже мешанская. Да.

— Ну, Володя... В молодости всегда ведь кажется, жизнь — она не на твоей, она на соседней улице. Юность всегда, наверное, тоскует по прошлому и мечтает о будущем.

— Вот-вот. Мы иногда не замечаем сегодняшнего дня, не дышим им. А они-то, Корчагин, жили ради будущего, но настоящим!.. Эдак и мои сыновья мне когда-то скажут: «Вам было хорошо, у вас была Братская ГЭС. А нам? Целина распаханна. Скучно».

— У вас есть семья, Володя?

— Жена Аллочка и два сына, Ярослав и Святослав. В один день, 4 мая прошлого года, я получил две телеграммы: что у меня родились сыновья и что меня приглашают сниматься в фильме «Как закалялась сталь».

— А ваша жена, она...

— Нет, не актриса. Дочь моей учительницы. Пришел на традиционный сбор и влюбился.

— Что, с первого взгляда?

— Челука это — любовь с первого взгляда. Как можно полюбить, не зная, сможешь ты уважать человека или нет? А любовь без уважения — не любовь. Это по-другому называется.

— Так что же вы ответите на суждения ваших детей?

— «Целина вспахана? Идите делать калоши».

— Сурово.

— А что? Дело делать надо, дело! Честно относиться к своему труду. Это выражение у всех в зубах навязало, я понимаю, тем не менее я не стесняюсь его повторить. Нас ведь, между прочим, не так много, 250 миллионов всего...

— А что вы собираетесь делать?

— У меня сейчас очень сложное время... Я как оголенный нерв сейчас.

— Да, начать жизнь, работу с такой напряженно высокой ноты...

— Вот именно. Читаю письма — в каждом ко мне обращаются «Павка». Не Володя. Страшно. Очень радостно, лестно, если хотите, а ответственность какая? Не могу же я законсервироваться, как тот актер, которого за исполнение роли Христа Ватикан закупил с потрохами на всю жизнь с одним-единственным условием: чтоб он больше не лицедействовал. Я хочу работать. Я хочу играть.

— У вас есть предложения?

— Были. Я отказался. Все это роли в фильмах, эксплуатирующие найденное в роли Павки. Не хочу. Нельзя. Не имею права.

— А кого бы вам хотелось сыграть?

— Тилиа Уленшпигеля. И Ходжена из «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Колокольчик — чистый такой колокольчик в мире лжи и насилия, среди этих небоскребов. И фонтан оптимизма. Впрочем, это мечта. Прежде всего мне надо учиться.

— Чей отзыв о фильме, Володя, вам дороже всего?

— Мамы.

— Маме бы вы, наверное, в любом случае понравились...

— Нет. Она не только добра. Хотя добра бесконечно, я рос хилым (у меня порок сердца), и она всю себя отдала мне...

— Она строгая?

— И этим словом маму не определяли... Она никогда не упрекала меня: «Вот, у тебя магнитофон, а мы в твои годы...». Но мои вздорные взгляды никогда не выдерживали ее сердечной правоты.

— И что сказала мама?

— «Шесть вечеров я провела наедине с тобой. (Она смотрела фильм одна). А думала не только о тебе. Спасибо, сын». Мама вспоминала и своего старшего, наверно. Брат умер 17 с половиной лет, последние месяцы был прикован к постели, я его совсем не помню, но по тому, как о нем говорят мама с папой, чувствую, что они на него в какой-то степени равнялись...

Вы спрашивали, какие кадры мне наиболее близки. Все, где Павка с мамой. Тут, конечно, заслуга Антонины Михайловны Максимовой, игравшей мать. Я чувствовал в ней частицу своей мамы...

В отношении к матери, моему, неприкрыто проявляется человеческая сущность. Можно строить с ребятами узкоколейку, репать с Жухраем задачи, не зайти ночью в комнату к Рите, а мать подойдет, положит руку на плечо, и ты весь тут... Особенно дорога мне та сцена, где Павка, помните, говорит: «Мама, ты не печалься... время пролетит незаметно, я скоро вернусь к тебе. Мы будем с тобой греться на солнце, слушать нашего соловья»...

— Это ведь подлинные слова Островского, его письмо к матери.

— Да...

Володя уходит. Высокий, худенький, чуть сутулый. Ему только 22. И такой успех! Пожелаем ему, взрослому, помнить, кому он этим успехом обязан.

Ему пишут сейчас тысячи людей. Но на улице его никто не узнает.

Такой современный мальчик в джинсах...

И. РУДЕНКО.

Фото И. ГРИЦЕРА.

ТАКОЙ СОВРЕМЕННЫЙ ПАРЕНЬ

Наш корреспондент беседует с Владимиром КОНКИНЫМ, исполнителем главной роли в фильме «Как закалялась сталь».

школьными успехами не могу похвастаться, увы!

— Что же вас отвлекало от занятий — друзья?

— У меня не было друзей.

— Ну, Володя...

— Да. Меня считали маленьким сыном.

— Вы были тихи и послушны?

— Отнюдь.

Час от часу не легче.

— Любил строить модели. Нужны были переключатели, мне б денег родители, конечно, дали — они мне ни в чем не отказывали, но где купить-то? Вот я и выкручивал их где придется. Мечтал быть инженером игрушки.

— Значит, стать актером — это не мечта детства?

— Нет. У меня уйма было всяких увлечений, как будто бес меня толкал. Хотел стать историком, дома прекрасная библиотека — Ключевский, Рамбо... Поступил в историческую школу при университете, слушал лекции, рылся в архивах. Найти редкий документ — какое наслаждение, право! Написал реферат о Емельяне Пугачеве, дверь на исторический факультет была мне открыта. А я подал документы в театральное училище.

— Может, и это — очередное увлечение?

— Нет. Что вы! Я влип намертво.

— А с чего все началось?

— С Иванушки-дурачка в новогоднем представлении, текст которого, кстати, написал мой папа.

— А папа ваш?..

— Багажный раздатчик на железнодорожной станции... Так вот, дети до семи лет были в диком восторге от моего Иванушки, после семи чувствовалась уже определенный скепсис, и это решило мою судьбу.

— Ну, а какие увлечения сейчас?

— Современные музыкальные ансамбли.

— Вы это серьезно?

— Вполне. Что не мешает мне, кстати, любить Баха. Вы любите Баха? Под Баха я могу думать. А чувствовать под современную музыку. «Три апельсина» Прокофьева — чудо! А Стравинский?.. Представьте себе мир без музыки? Оглох мир, а? Чудовищно! Музыка — мой учитель, с детства, я ведь в музыкальную школу тоже ходил. Да, насчет современных ансамблей: надо уметь отличать настоящий профессионализм от халтуры, рекламы. Есть ансамбли, западные, — кстати, в членов одного даже на демонстрации стреляли, — с явной социальной направленностью, в их музыке я слышу недосказанные слова, смех, слезы. Вот взять хотя бы это...

Он вскакивает, отбивая ритм длинными худыми пальцами, напевает, потом начинает отбивать такт ногой, его длинные волосы разлетаются — и просто оторвать берет:

вас он был за семью печатями. Не книга, разумеется, тут виновата, а ее толкование. Слишком прямолинейным, плакатным, а потому недостижимым предстает иногда Павка перед сегодняшними своими сверстниками. Да и не только сверстниками... Помню, я ощутила его реально жившим, живым человеком, когда впервые побывала в музее в Сочи и увидела простую бамбуковую палочку с намотанным на конце платком...

— Да, да, помню! Ее Николай Алексеевич попросил сделать, чтоб вытирать со лба пот: не хотел лишний раз тревожить маму.

— Рядом с ним к тому времени уже были и мама, и жена, и секретари, и друзья. Какая внутренняя деликатность, человечность... Деталь, а помогает преодолеть дистанцию, верно?

Куль мертвых героев, мертвых не в смысле физического конца, — опасная вещь... А какая деталь — строка книги, письма Островского, эпизод его биографии — помогла вам сыграть свою роль?

— Эту роль нельзя сыграть. Ее надо прожить... Вначале Павка не давался мне. Ну, совсем. Чувствую — мое сердце не пульсирует в унисон с его сердцем. Явные перебои.

— Что, слишком высок оказался для вас?

— Да... Нет, не совсем так. Он был просто придуманным для меня. Я его не чувствовал. А знал, что, не почувствовав, не сыграю. Сыграть Корчагина плохо — ну, смерть, это-то я понимаю... Дело не в актерской неудаче, черт с ней, с неудачей. Дело в тех тысячах мальчишек и девочек, которые будут впервые смотреть фильм «Как закалялась сталь». Не поверив моему Павке, — а вдруг они не поверят ему вообще? Может быть, я и преувеличивал значение своей неудачи, но так я чувствовал.

Люблю петь, орать, скомо-рошничать — завинтил все гайки, умял все это в себе. И все равно — не получается. Плакал после репетиций... И наступил такой момент — было это на родине Островского, в Шепетовке, — когда мне казалось: никто уже не верит в меня — ни режиссер, ни товарищи, никто. А завтра съемки похорон Гриншутки и слова Павки: «Самое дорогое у человека — это жизнь». Сколько раз эти слова произносились, как истерились, у иных просто вызывают скептическую улыбку... Но мне же надо сказать эти, черт возьми, тем не менее прекрасные слова и сказать так, чтоб поверили! Мне поверили, понимаете?

На съемочной площадке было много людей — больше двух тысяч — земляков Островского. Охолодный ветер, дождь. А один стоял и ждал. Мне тогда казалось, ждут:

когда вы его смотрели со стороны, вас наиболее волнуют теперь?

— О, это были шесть очень трудных дней... Я и мой Павка. Вдвоем. Даже не могу вам объяснить... знаю только, что за шесть дней у меня горело столько нервных клеток, сколько и за полтора года съемок... Лучше вы скажите, какие кадры вас волнуют?

— Меня?.. Пожалуй, начало. «Рождение». Когда думаешь вместе с создателями фильма — где истоки подвига? Размышляя о природе героического, мы часто подчеркиваем лишь силу, волю, мужество человека, который на этот подвиг оказался способным. Не вытекает ли героичность из простых норм нравственности? Об этом думаешь, когда смотришь первые кадры фильма. Ваш Павка не только тверд, но и мягок, не только бескомпромиссен, но и раним, не просто мужествен, но и чист. Так вышло или таким было режиссерское видение?

— Так было задумано Николаем Павловичем Матценко, всеми. Нас иногда спрашивают: зачем новая экранизация? Но раз навсегда сыграть Павку нельзя. У каждого времени есть что спросить и что услышать от Корчагина. В каком-нибудь 93-м, я убежден, снова появится Корчагин. И будет уже отвечать на какие-то иные, актуальные для того времени, вопросы. Мы же хотели подчеркнуть в Павке духовную требовательность, убежденность, бескомпромиссность при огромной человечности, чистоте и искренности. (Последнее выделено). Он не просто служит Революции. Она ему родная мать.

— И что, вы считаете, ваш Павка говорит нам, сегодняшним?

— «Каждый из вас может стать Корчагиным».

— Каждый ли, Володя? Ведь Корчагин был все-таки исключительной личностью.

— Я глубоко убежден: в каждом нашем человеке есть маленький Корчагин. Нет, не точно. Частица Корчагина. Она может быть задолбана самим человеком или обстоятельствами, но она есть! Да, мы одеты не так, как были одеты Корчагин, не те любим песни. Мы другие. Но мы те же! Только иногда прячем свое «я»...

— Когда?

— Когда к нам прикасаются холодные, равнодушные люди.

— И НОГДА к нам в редакцию приходят письма, в которых жалоба: «Где проявить себя, хорошо было им, старшим, у них была революция, война, а у нас что? Будни». Так что понятие «Корчагин сегодня» не так просто для понимания, не так однозначно...

— Послушайте, не ведь убежденность в непрочном союзе с чистотой — а это и